

УНИВЕРСИТЕТ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
ВЫСШАЯ ШКОЛА РАЗВИТИЯ
Отдел по культурному наследию и гуманитарным наукам

НАУЧНЫЙ ДОКЛАД №12, 2021

КНЯЖЕСТВО ВАХАН В XIX ВЕКЕ: РАСПАД И РАЗДЕЛЕНИЕ

Абдулмамад Илолиев

Отдел по культурному наследию и гуманитарным наукам
Научный доклад №12

КНЯЖЕСТВО ВАХАН В XIX ВЕКЕ: РАСПАД И РАЗДЕЛЕНИЕ

Доцент Абдулмамад Илолиев

Старший научный сотрудник Института Исмаилитских Исследований (IIS), Лондон

Абстракт

Конец XIX века был, пожалуй, одним из наиболее драматических периодов в истории маленьких горных княжеств Памира и Гиндукуш. Оказавшись в центре англо-русских колониальных войн в Центральной Азии, они боролись за выживание в среде старых (Бадахшанских миров) и недавно возникших правителей (Афганцев, Мангытов Бухары, Китайской династии Цин); каждый из которых пытался воспользоваться моментом, чтобы предъявить свои «исторические права» на Памир. Рассматривая геополитику Вахана в последние два десятилетия XIX века, данный доклад выдвигает более обширный аргумент относительно роли и значения местных властей в формировании современного политического ландшафта региона. Более поздние правители Вахана, особенно Рахим Бек (г. см. 1838), Фатх Али Шах (г. см. 1875) и Али Мардан Шах (г. см. 1926), сыграли важную роль в этом начинании, пытаясь спасти свои княжества, находившиеся на грани распада и колонизации. За падением и разделением Вахана на афганское и бухарское владения последовала мрачная эпоха этнических и религиозных преследований, переселения сотен семей вахи и появления новых общин мигрантов в Китае (провинция Синьцзян) и Британской Индии (северные районы современного Пакистана).

Ключевые слова: Бадахшан, Вахан, вахи, исмаилиты, *мир (правитель)*, Памир, Пяндж.

Информация об авторе

Доктор Абдулмамад Илолиев является старшим научным сотрудником Отдела по изучению учебных программ Института Исмаилитских Исследований (IIS) в Лондоне, а также преподавателем аспирантской программы института в области исламоведения и программы подготовки учителей средней школы. Помимо этого, он занимается переводом и редактированием учебной программы по исламу для начальной и средней школы на таджикском, персидском и русском языках. Также имеет опыт работы в исследовательских и учебных программах в Таджикистане, Канаде и Великобритании, включая стипендиальные исследовательские программы на кафедре востоковедения и африканистики Лондонского Университета и на кафедре глобальных исследований Университета Сассекса. Илолиев с отличием окончил Душанбинский государственный педагогический институт (1992), Институт Исмаилитских Исследований (2000) и Кембриджский Университет Великобритании, где получил степень магистра (2001) и доктора (2006) востоковедения и исламоведения. Его научные интересы сосредоточены на Центральной Азии, исламском мистицизме, истории и литературе. Абдулмамад Илолиев является автором трех монографий (*Исмаилит-суфийский Мудрец Памира: Мубарак-и Вахани и Эзотерические Традиции Памирских Мусульман, 2008 [на английском]; Мубарак-и Вахани: Контекст, Жизнь и Размышления, 2019 [на таджикском]; Исмаилиты Памира: Легенды, Верования и История [на турецком], 2020*), семи переведенных томов и нескольких рецензируемых научных статей и глав книг.

Отдел по культурному наследию и гуманитарным наукам ведет свою деятельность для сохранения и популяризации богатого и разнообразного культурного наследия народов Центральной Азии через проведение научных исследований, документирование, архивирование и оказание поддержки исследователям из региона.

Научные сотрудники отдела занимаются сбором и сохранением существующей информации и культурных знаний и налаживают новый диалог и предлагают новую интерпретацию культурного наследия и идентичности в Центральной Азии.

Отдел по культурному наследию и гуманитарным наукам входит в состав Высшей школы развития Университета Центральной Азии. Университет Центральной Азии был основан в 2000 году. Президенты Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Республики Таджикистан, и Его Высочество Ага Хан подписали Международный Договор и Устав, учреждающие этот светский и частный университет; Договор и Устав ратифицированы парламентами стран и зарегистрированы в ООН.

Научные доклады Отдела по культурному наследию и гуманитарным наукам представляют собой серию рецензируемых исследований, издаваемых с целью расширить понимание социально-культурных и исторических процессов в Центральной Азии и внести вклад в международный академический дискурс по региональным вопросам.

Комментарии к публикации или вопросы по ее содержанию можно отправлять по адресу chhu@ucentralasia.org. Ссылаться на научный доклад можно без предварительного разрешения.

Редактор серии научных докладов: Эльмира Кочумкулова, заведующая Отделом по культурному наследию и гуманитарным наукам, доцент УЦА.

Фотография на обложке: *Река Пяндж, разделяющая Вахан на Таджикистан (слева) и Афганистан (справа): Вид с руин крепости Ямчун, построенной в Кушанский период (50 до н. э. – 225 н. э.). Источник: Илолиев 2018: 92-105.*

Авторское право © 2021
Университет Центральной Азии
720001, Кыргызская Республика, г. Бишкек, ул. Токтогула, 138

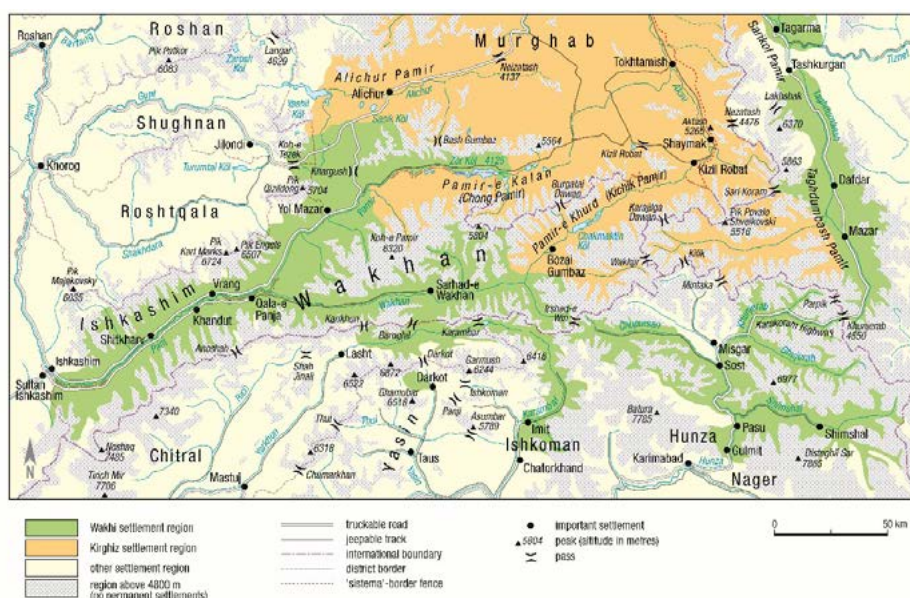
Тел.: +996 (312) 910 822
E-mail: chhu@ucentralasia.org

Содержание настоящего документа является исключительно предметом ответственности авторов и ни в коей мере не является отражением взглядов Университета Центральной Азии. Текст и данные настоящей публикации могут быть воспроизведены при условии указания источника следующим образом: Илолиев А. (2021). Княжество Вахан в XIX веке: распад и разделение. Отдел по культурному наследию и гуманитарным наукам УЦА, Научный доклад № 12, 26 с.

Введение¹

Территория Вахан или *Вахиу* – древнеиранский термин, означающий «речная страна», расположена среди гор Памира и Гиндукуш вдоль рек Вахан (Вахан Дарья или Аб-и Вахан) и Пяндж. Населявшие ее жители, вахи, называли эту местность *Вух ватан*. Она также включала в себя Большой (*калан*) и Малый (*хурд*) Памир, также известные в ваханском языке как Нижний (*паст*) и Верхний (*уч*) Памир. Некоторые исследования (Пахалина, 1976, Стеблин-Каменский, 1978) указывают на то, что термин «Вахан» изначально обозначал более обширную географическую местность, тянувшуюся на много миль вдоль берегов рек Памир, Вахан и Пяндж, вплоть до слияния последней с рекой Хингаб (Аб-и Хингаб), которая текла через рифтовую долину Вахия на границах Дарваза.²

Сегодня Вахан состоит из двух отдельных субнациональных структур внутри Горно-Бадахшанской Автономной Области Таджикистана (Ишкашимский район/тадж. *ноҳияи Ишкошим*) и Бадахшанской провинции Афганистана (Ваханский район/*волусвали*). Вахи (или *хик*) – восточно-иранская этническая группа, составляет большую часть населения этих районов. Помимо родного ваханского (*хик-зик*) языка, они также разговаривают на персидском языке (который называют таджикским в Таджикистане и дари в Афганистане). Жители некоторых сел в таджикском Вахане (Вудит, Даршай, Чилтак, Ямг и Ниджгар) преимущественно говорят на персидском языке. Помимо этого, на окраинах Малого Памира в Афганистане можно найти несколько кыргызских скотоводческих общин. Ваханцы также компактно проживают в Пакистане (Гилгит-Балтистан и Хайбер-Пахтунхва) и в Китае (провинция Синьцзян).

Нынешний регион с ваханским населением простирается далеко за прежние владения Вахана. Ваханские села встречаются в регионах исторического переселения, беженства и ссылок. Источник: Kreutzmann (2017: 91)

- 1 Выражаю благодарность профессору Герману Кройцманну, ведущему мировому специалисту по Ваханским исследованиям, за комментарии, карты и диаграммы, использованные в данном докладе.
- 2 В прошлом долина Вахия была частью Дарвазского царства. Термин «Вахия» может обозначать сам Вахан, либо людей – переселенцев из Вахана. Например, Бобринский (1908: 63) утверждает, что в конце XVIII и в начале XIX века часть населения перебралась из Вахана в Дарваз. Нынешнее население Вахии говорит на персидском (таджикском) языке и придерживается Ханафитского мазхаба – течения суннитского ислама. Согласно легендам, в древние времена часть населения Дарваза мигрировала в Вахан и знаменитый древний ваханский правитель Кахкаха был братом Дарвазского правителя Шахшаха (Илолиев 2018: 93).

История Ваханского княжества восходит к древним временам, а именно к временам Кушанской династии (50 до н. э. – 225 н. э.) – этнически смешанной группе индоевропейских буддистов, которые косвенно правили Ваханом через полунезависимых местных князей. Эти князья контролировали поток товаров и людей на южном маршруте (также известном как «Буддистский маршрут») знаменитого «Шелкового Пути», одна из ветвей которого шла через Вахан. Я уже подробно рассматривал эту тему в другом своем исследовании (Илолиев, 2018). Достаточно сказать, что Кушанский период был знаменательным в истории Вахана. Торговля вдоль Шелкового Пути не только была источником дохода для правителей, которые собирали налоги с купцов и странников в обмен на охрану и приют, но также способствовала развитию местных экономик и культур. Многочисленные развалины крепостей, караван-сараяв, буддистских храмов, древних кладбищ и артефактов, найденных в этих местах, являются тому доказательством.

Благодаря своему географическому расположению – множественные горные перевалы и реки соединяли его с Китаем, Индией и Бактрией, Вахан играл важную роль в торговых и прочих контактах древнего мира. Столица Сакашим («город саков», ныне известный как Ишкашим, располагающийся на левом берегу реки Пяндж) описывалась в персидской географической книге девятого века «Худуд ал-алам» («Регионы Мира») как процветающий город, где мирно сосуществовали разнообразные общины – коренные и недавно основанные мусульманские (Минорский, 1980:121). Однако упадок Шелкового пути в период китайской династии Тан, правившей в X веке, и затем активизация морских маршрутов в XV веке ослабили позицию Вахана, как и прочих наземных пунктов: экономическая деятельность значительно снизилась и целостность политической структуры пошатнулась. За всю историю своего существования Вахан смог сохранить определенную независимость под протекторатом более крупных региональных держав, таких как Сасаниды (224–651), Эфталиты (440-е–670), Турецкий Каганат (551–744), Тибетцы (618–842), китайская династия Танг (861–907), Персидские Саманиды (819–999) и позднее – турецко-монгольские династии Центральной Азии вплоть до завоевания афганцами (левый берег) и русскими (правый берег) в конце XIX века (Искандаров 1983, Бубнова 2005).

Река Пяндж, разделяющая Вахан на Таджикистан (слева) и Афганистан (справа): Вид с руин крепости Ямчун, построенной в Кушанский период (50 до н. э. – 225 н. э.). Источник: Илолиев 2018: 92-105.

Конец XIX века был, пожалуй, одним из наиболее драматических периодов в истории маленьких горных княжеств Памира и Гиндукуш. Оказавшись в центре англо-русских колониальных войн (известных как «Большая Игра») в Центральной Азии, они боролись за выживание в среде старых (Бадахшанских правителей) и недавно возникших хозяев (Якуб Бека Кашгарского, афганцев, мангытов Бухары, Китайской династии Цин); каждый из которых пытался воспользоваться моментом, чтобы предъявить свои «исторические права» на данную территорию. Тема «Большой Игры» широко обсуждается в современной академической сфере (Wheeler 1981; Норкirk 1992; Постников, 2000; Kreutzmann 2015, 2017), однако по-прежнему нет консенсуса касательно её последствий для таких периферийных государств, как Вахан. Рассматривая геополитическую историю Вахана в XIX веке, данный научный доклад выдвигает более обширный аргумент относительно роли и значения местных властей в формировании современного политического и социального ландшафтов региона. Более поздние правители Вахана, особенно Рахим Бек (также известный как Мухаммад Рахим, г. см. 1838), Фатх Али Шах (г. см. 1875) и Али Мардан Шах (г. см. 1926), сыграли ключевую роль в этой деятельности, пытаясь спасти свои княжества, находившиеся на грани распада и колонизации.

Наше представление об истории Вахана в XIX веке, основывается в большой степени на путевых заметках, военных досье и других отчетах, написанных европейскими путешественниками, в основном русскими и британскими (и их индийскими агентами). Здесь особенно важны работы Джон Вуда (1872), Томаса Гордона (1876), Генри Троттера (1878), Дмитрия Путята (1884), Абдул Рахима (1886), Бронислава Громбчевского (1888), Джорджа Курзона (1896), Оле Олуфсена (1904), Алексея Бобринского (1908), Василия Зайцева (1908)³, Михаила Андреева и Александра Половцова (1911), Бурханиддина Кушкеки (1926), Андрея Снесарева (Басханова 2015)⁴ и многих других. В данном докладе также использованы архивные материалы рассматриваемого периода, полученные из Хорогского института гуманитарных наук (ХИГН), устные материалы и вторичные источники, указанные в списке литературы.⁵

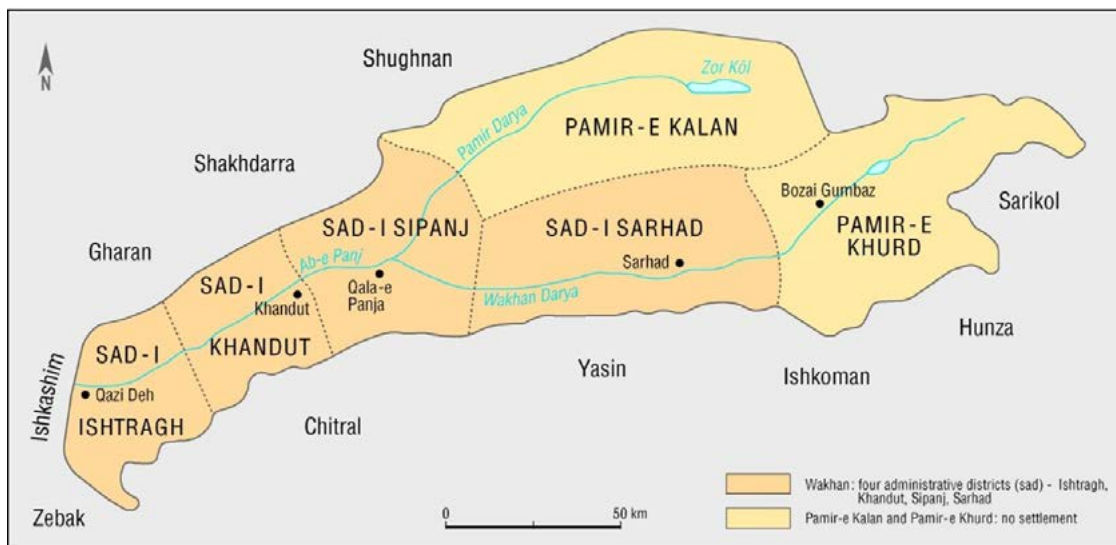
Вахан и его правители в XIX веке

До англо-русской борьбы в Центральной Азии Вахан был номинальным данником Бадахшана. Вахан также платил дань ханам Коканда и его восточным фронтам. Как и его соседи (Шугнан, Кунжут или Хунза, Читрал и Сарикул), Вахан находился в условиях постоянной угрозы со стороны китайской колониальной экспансии, набравшей обороты в Восточном Туркестане. К концу 1750-х китайская армия завоевала Вахан и Шугнан и построила крепость Яши-Куль в Восточном Памире (Sheehy, 1968: 7). После непродолжительного конфликта с Кокандским каганатом династия Цин передала контроль над регионом Коканду, который к 1830 г. расширил свои владения до Восточного Памира и обложил налогами местное кыргызское и ваханское население (Newby, 2005: 30). С приходом британцев и русских в XIX веке появились два новых региональных игрока – афганские и бухарские эмираты, которые предъявили свои права на Вахан и другие княжества Памира.

3 С 1893 по 1894 г. капитан Василий Зайцев (г. см. 1931) служил начальником Памирского Сменного Отряда – первого русского военного формирования на Памире (1891–1918). Отряд был образован в 1891 полковником Михаилом Ионовым на территории современного Мургаба в ГБАО Таджикистана и его первым начальником был капитан Кузнецов (1892–93) (Почекаев, 2019: 321).

4 Снесарев, один из ключевых игроков «Большой Игры», был начальником Памирского Сменного Отряда с 1902 по 1903. Его «Заметки о Памире» (Басханов 2015: 233) являются бесценным источником на рассматриваемую тему.

5 ХИГН в данном докладе обозначает коллекцию русских (и советских) документов, включая доклады, военные досье, указы, манифесты и протоколы заседаний конца XIX и начала XX в. в Памире, которые в настоящее время хранятся в Хорогском Институте Гуманитарных Наук (ХИГН). Фотокопии этих документов были привезены из Ташкента в Хорог в 1933 г.

Карта Вахана прежде чем он был поделен между Афганистаном и Бухарскими Эмиратами в результате Соглашения Гранвилль-Горчакова, заключенного в 1872-73 годах и Памирской Пограничной комиссии 1895 года. Источник: Кройцманн 2015: 229.

Во время колониальной экспансии, полунезависимое княжество (*мирдом* – от слова «*миригари*», княжество) Вахана состояло из четырех округов именуемых *сада* (переводится как «сотня», т. е. количество проживающих семей). Эти округа: Сада-и Пянджа (Спиндж или Испандж), Сада-и Хандуд, Сада-и Иштрах (Иштраг), включавший села из Путур на левом берегу и Дашт на правом берегу реки Пяндж до Ратм у реки Памир (Мургаб), и Сада-и Сархад (или Сариг Чупан и Памир) по обоим берегам Вахан Дарьи вплоть до современных границ между Китаем и Пакистаном (Андреев и Половцов 1911: 7; Кушкеки 1926: 155, Kreutzmann 2015: 229).

Точная оценка численности населения Вахана в девятнадцатом веке остается под вопросом, однако некоторые современные источники утверждают, что к 1901 году на территории левого берега реки Пяндж и равнины Сархад жили 334 семьи (Rahim 1886: 11) и 189 семей (2118 человек) проживали на правом берегу реки Пяндж (Зайцев 1908: 77). Районы равнины Аличур и Большого и Малого Памира, населенные в основном кыргызами, также находились в подчинении ваханских правителей. (Trotter 1878: 178, 210; Постников 2000: 41).

Правитель или *мир* (происходящий от арабского *амир* – «командир») базировался в селе *Кала-и Пянджа* («замок Пянджа») или просто Пянджа, располагавшемся на левом берегу реки Пяндж. Правители (*миры*) Вахана, как и их подданные, были этнические Вахи, хотя они не переставали уверять о своих иностранных корнях. Например, два последних *мира* утверждали, что они являются потомками Александра Великого (Wood 1872: 244, Gordon 1876: 132, Путята 1884: 65). Также они придерживались Исмаилитской веры, в отличие от других местных правителей, к примеру, в Шугнane, где большинство миров являлись суннитами. В религиозных делах *миры*, как и их исмаилитские подданные, обращались к *пиру* («наставнику»), который входил в межрегиональную организацию *пиров*, подотчетную исмаилитскому имаму в Индии (Илолиев 2013: 155-176). *Миры*, однако, отличались от обычных мюридов (религиозных последователей) в своем социальном статусе и сани. По записям Абдула Рахима, британского разведчика, который посетил Вахан и Бадахшан в 1879-1880 годах, местный правитель и его

родственники принадлежали к «племени *мир*» (*мир-кутар*) – клану, который контролировал политическую и экономическую жизнь в княжестве (Rahim 1886: 1-10). С помощью сельских старейшин или *аксакалов* («белая борода» на турецком) и *кади* (судей), *мир-кутар* правили четырьмя округами.⁶ У нас мало исторических сведений касательно правления ваханских *миров* до девятнадцатого века, кроме некоторых записей, найденных в источниках конце XIX и в начале XX века (Gordon 1876: 132; Rahim 1886: 10; Бобринской 1908: 61; Андреев и Половцов 1911: 6; Кушкеки 1926: 169). Эти источники упоминают имена мало известных *миров*, таких как Фархад Бек (Маска), Шах Хушадат (Хаджа), Махди, Мансур, Шах Джахан (Джан) и Джахан (Джан) Хан. В путеводителе «*Рахнама-и Катаган ва Бадахшан*», Джахан Хан был назван отцом Мухаммада Рахим Бека и Фатх Али Шаха; после смерти отца Мухаммад унаследовал его титул *мир* Вахана (Кушкеки 1926: 169). Аналогичные сведения указаны в записях Андреева и Половцова (1911: 6) и Бобринского (1908: 61). Однако согласно диаграмме Кройцманна (2017: 110) иллюстрирующей семейное древо ваханских *миров*, Джахан Хан (1740-1775) предшествовал *миру* Шах Джахану, о котором нам мало что известно. Кройцманн ссылается на «Новую Историю Читрала» написанную Мирзой Мухаммад Гуфраном (1974: 91-92), в которой Джахан Хан описан как захватчик и грабитель Читрала (2017: 110).

Кроме того, Джахан Хан упоминается как отец невесты правителя Бадахшана, Замануддина, также известного как *Мир* Шах (Бобринской 1908: 62). Помимо этого, его указывают как человека, который приказал разработать план и строительство замка Пянджа (*Кала-и Пянджа*) на левом берегу реки Пяндж для использования в качестве резиденции ваханских правителей (Бобринской 1908: 63). Кала-и Пянджа или просто Пянджа служила столицей Вахана до начала XX века, после чего Хандут стал новым центром округа в Афганском Вахане. Местные пахотные земли и стратегическое расположение замка были, пожалуй, главными причинами для размещения здесь правительственной резиденции. Территория была близка к Хунзе и Читралу, с правителями которых ваханские *миры* были в хороших отношениях и где они часто скрывались во время военных набегов со стороны Бадахшана.

Панорамный вид Кала-и Пянджи – бывшей столицы Ваханского княжества (слева) и развалины старой крепости (справа). Фото было сделано в январе 2012 года.

⁶ Знаменитыми ваханскими *кади* того времени были Сарвар из Сархада (Rahim 1886: 15; Путята 1884: 17), Гуламнаби из Ямг, села на правом берегу реки Пяндж (Бобринской 1908: 15; McChesney and Khorrami 2013: 646), и Кадам Шах из Шитхарв, села на правом берегу реки Пяндж (Stein 1928: 869).

Преемником Джахан Хана был его старший сын Мухаммад Рахим Бек (г. см. 1838). Он пытался обрести независимость своего владения, отказываясь подчиниться и платить налоги Бадахшану, который впоследствии оказался захваченным правителем Кундуза Мурад Бекком.⁷ Мурад Бек назначал местных князей из числа своих узбекских карлукских соплеменников, одним из которых был Кухкан Бек. История о набеге и смерти Кухкан Бека в Вахане отчасти упомянута в некоторых европейских и местных источниках таких авторов как Вуд (1872), Бобринской (1908), а также в таких трудах как *Тарих-и Бадахшан* («История Бадахшана»), переведенной и подготовленной к печати Болдыревым и Григорьевым (1997), и *Рахнама-и Катаган ва Бадахшан* (Путеводитель по Катагану и Бадахшану), написанном Кушкеки (1926). Повествование Вуда о данном событии кажутся более правдивыми, чем остальные, поскольку Джон Вуд и его персидский переводчик Абдул Гани лично присутствовали в Вахане и Кундузе, где все и происходило. В апреле 1838 года Вуд прибыл в Пянджа в качестве резидента ваханского правителя Рахим Бека и отметил, что семь лет назад (т. е. в 1830 году) здесь произошло убийство (1872: 215). Вуд, скорее всего, имел в виду убийство Мухаммад Али Бека или Бахадур Хана, который являлся братом Кухкан Бека, согласно *Тарих-и Бадахшан* (Болдырев 1997: 82). Тем не менее, все три источника утверждают, что Кухкан Бек напал на Вахан, чтобы отомстить за смерть своего брата и чтобы заставить Рахим Бека платить дань Кундузу.⁸ Началось все с того, что Кухкан Бек отправил своего брата Мухаммада Али Бека в Вахан с целью уговорить непокорного *мира* Вахана. Рахим Бек, однако, не подчинился и впоследствии убил гонца. Эти события также описаны Бурханудином Кушкеки, афганским ученым и журналистом.⁹ Кушкеки (1926: 168–69) пишет, что в 1922 году в Пяндже он встретил 120-летнего старика, который лично помнил набег Кухкан Бека на Вахан. Кушкеки также взял интервью у члена *мир-кутара* Сарбуланд Хана, согласно которому Мухаммад Али Бек напал на Вахан с армией Катагана, однако он был убит в Пянджа, а его армия была вынуждена бежать. Его брат Кухкан Бек выдвинулся в Вахан с целью отомстить, но ваханский *мир* находился в тот момент в Читрале. Кухкан Бек последовал за ним в Читрал, где его тепло встретил *мехтар* (князь) Аман ул-Мулк. Однако гостеприимство *мехтара* длилось недолго: вскоре он подкупил одного из солдат Кухкан Бека и приказал убить его. После смерти Кухкан Бека его армия бежала из Вахана и Читрала, и *мир* Вахана вернул свой трон в Пянджа. Более поздние события жизни Рахим Бека запечатлены Вудом (1872: 214–15) и Бобринским (1908: 56–57). Записи Вуда особенно важны для понимания всего, что случилось за время его пребывания в Вахане и его столице Пянджа: его визит совпал с нападением и последовавшим за этим убийством Рахим Бека в Кундузе. Это было жестокое убийство, спровоцированное переводчиком Вуда, Абдулом Гани. Из записей Абдула Гани очевидно, что он недолюбливал вахи: он полемично называл их *рафидиты* («еретики») – оскорбительным словом, которое использовали некоторые сунниты в отношении шиитов. Даже сам Вуд выразил свое недовольство тем, как себя вел Гани: «Он никогда не входил куда-либо без провозглашения своего сана и всегда требовал от присутствующих что-либо от имени *правителя*, угрожая тем, кто отказывал ему, и щедро раздавая обещания тем, кто оказывался более покорным» (Wood 1872: 207). В 1838 году Вуд отправился из Файзабада в Вахан с остановками в Зикабе и Ишкашимае.

7 Кундуз – могущественное королевство, просуществовавшее до Афганского завоевания в 1859. Его правители часто выдвигали права на Бадахшан, Дарваз, Шугнан и Вахан. В 1823 году бадахшанская армия во главе с Мир Яри Бек Ханом в последний раз сразилась с Мурад Бекком Кундуза, сумев отстоять свою независимость на два последующих года (Wood 1872: 159–160; Бартхольд, 1963: 1024).

8 В «Тарих-и Бадахшан» неправильно указано имя ваханского короля, убившего узбекского гонца и впоследствии уничтожившего армию, посланную отомстить. Вместо Рахим Бека приводится имя его отца Джахан Шаха, что не совпадает с историческими фактами. Сам переводчик и редактор «Истории Бадахшана» признает, что в книге полно ошибок и искажений касательно имен и дат (Болдырев, 1997: 8–23).

9 В данной работе использованы оба перевода записей Кушкеки: оригинальный персидский (*Рахнама-и Катаган ва Бадахшан*. Кабул: Визарат-и харбия, 1923) и русский (1926).

К тому времени, когда Вуд прибыл в Вахан, Рахим Бек уже готовился отправиться в Кундуз, куда его вызвал Мурад Бек после жутких событий в Читрале. По этой причине Рахим Бек не смог предоставить Вуду обещанную помощь в его экспедиции. У Вуда было письмо от Мурада Бека, адресованное Рахим Беку, в котором *карлукский* правитель требовал, чтобы ваханский *мир* сопровождал экспедицию Вуда через весь Памир в Сарыкуль. Мурад Бек грозился, что если Рахим Бек тронет «даже один волос из их [Вуда и его команды] бород, Мурад Бек его убьет: *бехи микушам*». Вуд также предупредил *мира*, что непослушание приказа грозит наказанием в Кундузе (Wood 1872: 219). Позже, Мурад Бек осуществил свою угрозу, убив Рахим Бека прямо перед придворными и иностранными гостями в его дворце. Согласно свидетельству Абдула Гани, переводчика Вуда, который не только присутствовал на допросе, но и дал показания против Рахим Бека, ваханский *мир* был сначала арестован и затем избит до смерти самим Мурадом Бекем, которому не понравились преподнесенные ему подарки, и мужчиной, чей отец был убит в Вахане во время атаки Кухкан Бека.

«Мурад Бек, уже решивший судьбу князя [Рахим Бега], спросил Ясавула [Гани], как бы вскользь, хорошо ли их встретили в Вахане. «Нет», прозвучало в ответ. «Кафир!» вскричал разъяренный узбек, повернувшись к своей жертве. «Ты осмелился мне не повиноваться: *кутта чоб бизан*, бейте его дубинками» (Wood 1872: 257).

После убийства Рахим Бека, *мир* Кундуза назначил князем Вахана родственника бадахшанского *мира*, Шаха Турая (Бобринской 1908: 57). Шах Турай правил четыре года вплоть до смерти его патрона Мурада Бека в 1842 году, после чего Кундуз был захвачен бывшим заключенным *миром* Бадахшана Мирзой Каланом. Возвращение Мирзы Калана на трон Бадахшана предоставил шанс для младшего брата Рахим Бека – Фатх Али Шаха, находившегося в тот момент в изгнании в Читрале, захватить ваханский трон. Фатх Али Шах стал одним из самых долгоправящих князей Вахана XIX века. Его правление состояло из двух длинных периодов с небольшим перерывом между ними, случившимся, когда княжество оказалось под контролем чужеземного назначенца (описание ниже). Первый период правления Фатх Али Шаха продлился примерно четырнадцать лет, а второй – около одиннадцати, вплоть до его смерти в 1875 году (Бобринской 1908: 57). Он женился на дочери Газанфар Али Хана, *мира* Хунзы после того, как умерла его предыдущая жена, дочь *мехтара* Читрала. Вторая жена родила Фатх Али Шаху сына, Али Мардан Шаха, впоследствии ставшего последним *миром* Вахана (г. см. 1926). Сын Газанфара и наследник кунжутского престола Газан Хан (прав. 1864–88 гг.) женился на одной из дочерей Фатх Али Шаха. Ваханский *мир* также женился на вдове шугнанского *мира* Юсуф Али Хана, которая приходилась сестрой сарыкульскому *миру* Алиф Беку (Гордон 1876: 146–147). Другие известные нам сыновья Фатх Али Шаха были Насриддин Шах, или Думак, и Сарбуланд Али Шах. Первый период правления Фатх Али Шаха был относительно спокойным, благодаря патронажу со стороны правителей Бадахшана Мирзы Калана, Яри Бека и Сулайман Шаха. Однако Фатх Али Шах не смог наладить отношения с Замануддином, сыном Мирзы Калана, также известным как Мир-Шах. Мир-Шах заменил Фатх Али своим зятем – Шах Мир Бекем, братом шугнанского *мира* Юсуфа Али Хана.¹⁰ Шах Мир Бек оказался деспотичным правителем, продавшим многих ваханцев в рабство за пределы Вахана (Rahim 1886: 15). Согласно записям Бобринского (1908: 58–59), Фатх Али Шах бежал в Сарыкуль и Шах Мир продолжил управлять Ваханом еще в течение нескольких лет. Однако и он вскоре был свергнут новым *миром* Бадахшана Джахандар Шахом (также известным как Гулям), кото-

¹⁰ Для более подробной информации о мирах Шугнана см. Елчибеков (1984: 55-60).

рый взошел на престол после смерти его отца Мир Шаха в 1864 году. Джахандар Шах послал письмо Фатх Али Шаху с призывом вернуться назад и вернуть свой трон. Через некоторое время, с помощью своих сподвижников, Фатх Али Шах навсегда вытеснил Шах Мира из Вахана.

Во время второго периода правления Фатх Али Шаха, борьба за региональный контроль между местными правителями и иностранными державами значительно усилилась. Чтобы сохранить свою позицию и уберечь своих подданных, *мирам* приходилось платить дань более крупным державам. Одной из них был Кашгар. Воспользовавшись слабой позицией кокандского правителя, бывший князь Ташкента Аталык Газы («Отец-Воин») Якуб Бек установил свое исламское государство (1867–1879) – *Етти шаар* («семь городов», иногда пишется как «*Жетти-шаар*») в Кашгаре (Boulger, 1878). Якуб Бек отправил войска в Сарыкуль и Памир, которые в то время находились под китайской оккупацией. В 1869 он завоевал Ташкурган, который когда-то был процветающим таджикским городом, заставил его коренное население мигрировать в Кашгар и привел кыргызских кочевников в эти земли (Trotter, 1878: 201). В 1865 году бадахшанский *мир* Джахандар Шах (прав. в 1864–1869 гг.) приказал *миру* Фаз Али Шаху и князю Ишкашима Хакназару помочь Якуб Беку в его борьбе против китайцев (Rahim, 1886: 44). Согласно Гордону, ваханская армия, возглавляемая Фатх Али Шахом, участвовала в блокаде Кашгара и битве Канарика 1865 года (1876: 134). После победы над китайцами Якуб Бек написал письмо Джахандар Шаху, выражая благодарность за поддержку, предоставленную памирскими армиями, и за позволение облагать налогами людей Вахана, Читрала, Хунзы, Гилгита и Ярканда.

Пока ситуация на восточных фронтах Вахана оставалась относительно спокойной, реальная угроза надвигалась с запада, где афганская армия начала свой поход на Кундуз и Бадахшан, который закончился падением Кундуза, Бадахшана и Памирских княжеств. Эти и связанные с ними события описаны в книге Катиб Хазара «*Сираж ал-Таварих*» (McChesney, 2013: 100–109). В 1867 году престол Джахандар Шаха оказался под угрозой со стороны его сводного дяди Махмуд Шаха, правителя Балха, который поддерживался афганским королем Шер Али. Несмотря на то, что в 1868 году новый король Афганистана Абдурахман Хан помог Джахандар Шаху вернуться в Файзабад, он не сумел подавить своих врагов на родине и был вынужден бежать сначала в Читрал и затем в 1869 году в Русскую Фергану. Во время правления Махмуд Шаха Бадахшан находился под афганским контролем и Фатх Али Шах платил дань афганскому князю Балха и Бадахшана, оставаясь при этом князем Вахана.

Англо-русская борьба

Две соперничавшие державы – Российская и Британская империи – в стремлении расширить свое влияние в регионе, начали работу над разделением памирских княжеств, включая Большой и Малый Памиры, между своими ставленниками – Китаем, Афганистаном и Бухарой. К 1860-х, стремительно надвигаясь с северо-запада, русская армия захватила Ташкент, Хужанд, Самарканд и другие крупные города Центральной Азии. В 1867 году Российская Империя установила Туркестанское генерал-губернаторство (ТГГ), управляемое военными в захваченных территориях бывших Хивинского и Кокандского ханств (Mackenzie, 1967: 265). Однако вплоть до конца 1890-х сами русские отсутствовали в таджикских населенных округах Вахана,

Гарана, Шугнана, Рушана и Дарваза.¹¹ Поэтому их знание топографии Памира и его княжеств было таким же неполноценным, как и у британцев, что очевидно из их докладов, приведенных ниже. Тем не менее, пытаясь остановить продвижение русских в регионе, Великобритания была первой, кто отправил экспедиции в горную местность, чтобы прочертить географические и топографические карты и собрать сведения о местном населении и культуре. После экспедиции Джона Вуда в 1838 году несколько других разведывательных команд были посланы в Памир. Туда же были направлены множество мусульманских агентов из Британской Индии, включая Абдул Маджида в 1857–1858 гг., Мирзы в 1868 году, Ибрахим Хана и Файз Бахша в 1870 году. (Curzon, 1896: 239-260).

В 1869 году британский дипломат Дуглас Форсайт, служивший в Индии и посланный Файз Бахша в Вахан и Бадахшан, приехал в Санкт-Петербург. Целью визита являлось изложение британской позиции на демаркационную линию между Российской и Британской империями в северном Афганистане. Форсайт также обратился с просьбой к российскому министру иностранных дел Александру Горчакову официально признать правительство Якуб Бека, в отношении которого тот выражал определенные сомнения из-за отношений между Россией и Китаем. Дуглас Форсайт заверил министра, что Якуб Бек не будет вмешиваться в политические дела соседних государств (Постников, 2000: 44). В 1870-м и в 1873–74 гг. Дуглас Форсайт лично возглавил две миссии, направленные на установление торговых и дипломатических отношений с правительством Якуб Бека и сбор разведывательных данных о Памире, Сарыкуле, Вахане и других княжеств вблизи русского рубежа в Центральной Азии (Trotter, 1878). Британцы считали Бадахшан и Вахан частью Афганистана. В 1872 году министр иностранных дел Великобритании писал: «Бадахшан, с зависимым от него районом Вахана от Сарыкуля (Озера Wood) на востоке до слияния реки Какча с Оксом (или Пянджем) является северными границами Афганской провинции с остальным регионом» (Постников, 2000: 45). Российская Империя сначала не принимала позицию британцев и настаивала на том, чтобы эти округа считались независимыми, особенно Вахан. «Государство в верховьях Аму Дарьи, также известной как Дарья-и Пяндж (река Пяндж) ввиду пяти притоков Аму Дарьи в северных границах Памирского плато, отделяющего его от Каратегина; к востоку оно граничит с Сарыкулем и принадлежит Якуб Беку; на севере оно отделено от Техитрар [Читрала] (независимой от Кабула страны) горами Нойк-Сан – продолжением Гиндукуш» (Постников 2000: 47). Британцы прислали ответное письмо, которое гласило, что Каратегин находится, как минимум, в 100 милях от Вахана и «у российского правительства могут быть галлюцинации касательно географии стран на собственных рубежах» (Rawlinson, 1873: 110). Отчаявшись, русские сдались и согласились с британской позицией: 31 января 1873 года российский министр иностранных дел Горчаков отправил письмо своему британскому коллеге Гранвиллю, признав территории Бадахшана и Вахана вплоть до озер Зоркуль и Сарыкуль частью Афганистана (Prescott, 1975: 109). Это признание было официально закреплено в 1873 году Англо-Русским договором о Памире, известном в истории как «Гранвиль-Горчаковский Пакт» (ГПП), согласно которому территория реки Аму-Дарьи от Зоркуля в Восточном Памире до впадения в реку Какча в Бадахшане была принята как граница между британской и российской империями (Prescott, 1975: 121).

¹¹ Более подробную информацию о русской историографии Памира см. Пирумшоев (2011).

Конец рабства?

В 1873 году Фатх Али Шах посетил Файзабад, чтобы заплатить дань афганскому заместителю губернатора Хафизулле Хану (Gordon, 1876: 235–36). Впервые Вахан заплатил дань, которая не включала рабов. Рабы являлись одним из видов платежа для правителей бедных горных регионов. Считается, что завоевание Вахана Афганистаном официально упразднило торговлю рабами в регионе, однако на практике работорговля существовала еще некоторое время в периоды афганского и бухарского правления. Несмотря на то, что рабство запрещено в исламском священном писании, это правило не распространялось на шиитов Бадахшана, включая Зибак, Мунжан, Ишкашим, Вахан, Шугнан, Читрал, Кунжут и Сарыкуль. Население этих регионов наряду с хазарейцами, кафирами, православными русскими крестьянами и шиитскими персами были главными источниками работорговли в Центральной Азии (Hopkins, 2008: 641). В действительности, исходя из религиозных предрассудков, суннитские правители Бадахшана и Кундуза поощряли работорговлю среди шиитов, которых они считали «еретиками» или *рафидитами* (Gordon, 1876: 147; Rahim, 1886:14). Например, Прескотт (цитируя Morgan, 1892: 21) – один из британских путешественников того времени – описывал, насколько ужасна была ситуация для горных таджиков в конце XIX века:

На западе, вдоль равнин верховья Аму Дарьи или Пянджа, располагаются поселения ваханцев, шугнанцев и рушанцев... Участь этих несчастных таджиков, как их иногда называют, особенно горька. Жертвы деспотичных правительств, им часто приходится бросать свои дома в нижних равнинах и искать приют в суровых пустынях Памира. Там они либо низведены до состояния рабства кыргызами, либо отгеснены назад китайцами. В отчаянии им приходится искать убежище на российской территории (Prescott: 104).

В некоторых случаях, работорговля выходила за рамки религиозных границ, поскольку она являлась одним из самых выгодных (порой единственным) бизнесом для *миров* в горных регионах. Считается, что некоторые бандитские группы из Шугнана также участвовали в работорговле, совершая набеги на своих же единоверцев в Ишкашине и Вахане. Иногда, объединившись с кыргызами, они нападали на Вахан из долины Шахдара, похищали мальчиков и девочек и затем продавали их на базарах Файзабада (Бобринский, 1908: 62–63).

Местные жители находились в постоянном страхе, ожидая ночных набегов. Пытаясь защитить своих детей, они часто прятали их в коровниках или замазывали их лица, чтобы сделать их менее привлекательными для похитителей.¹² По словам Гордона (1876: 147), рабы (мужского и женского пола) продавались примерно за 10–15 бычков, 5–8 яков или за 2 кыргызских ружья за одного человека. Бобринский (1908: 62) также приводит некоторые детали о цене рабов на базарах Бадахшана в русских рублях, а именно: молодой парень (*бача-мард*) стоил 50 рублей; красивая девушка – 100 рублей; старика можно было в лучшем случае продать за 5 рублей. Помимо рабов из Файзабада, на базарах Балха, Кабула, Бухары, Кундуза и других городов Центральной Азии можно было купить ваханских, шугнанских, читральских и шиитских рабов. Утверждается, что последний *мир* Вахана старался не платить афганцам дань через рабов. Абдул Рахим (1886: 12) отмечает, что Али Мардан, в отличие от своего отца Фатх Али Шаха, отправлял рабов в Бадахшан только при крайней необходимости. Он также принимал рабов из Читрала и Хунзы, но никогда из Вахана.

12 Эту историю мне рассказали старики в селах Ямг (Джумакул Давлаткадамов) и Зугванд (Шермат, Мирбоз Шокимов) в феврале 2002 года.

Вследствие работорговли и других потрясений, население Вахана значительно уменьшилось во время политических коллизий конца XIX века, так как большое количество людей бежало в Сарыкуль, Читрал и Хунзу (Kreutzmann 2015: 205–293). В конце XVIII и в начале XIX века, во время правлений Шах Джахана и Джахан Хана, вахи также мигрировали в Ярканд, Кундуз, Ош и Дарваз (Бобринской, 1908: 63). Согласно Гордону (1876: 134), население снизилось с трех тысяч людей до пятиста, однако новые общины мигрантов были образованы в округе Санжу Ярканда и Сарыкуля (50 семей) во время правления Фатх Али Шаха.

Последний правитель Вахана

Фатх Али Шах умер спустя примерно девять месяцев, после того как команда Томаса Гордона простилась с ним и покинула Кала-и Пянджа 26 апреля 1874 года (Gordon, 1876: 123, 152). Престол унаследовал его сын Али Мардан Шах – последний *мир* Вахана, чье правление означало конец Ваханского княжества и делимитации границ между российской и афганской зонами влияния. Али Мардан вступил на трон в темный для Вахана и его жителей период. Англо-Русская геополитическая борьба, значительно усилившаяся к тому времени, сильно сказалась не только на политической позиции ваханского правительства, но и на обычных ваханцах, которые столкнулись с афганским притеснением, вынужденной миграцией и политическим распадом. Эта тема будет затронута более подробно далее. Сейчас же стоит привести имеющуюся информацию об *мире* Али Мардане. Наши знания о его жизни и поступках основываются в основном на местных устных историях и сведениях, полученных из записей русских и европейских путешественников конца XIX века, многие из которых были лично знакомы с *миром*. В их число входят шотландец Томас Гордон (1876), англичанин Гентри Троттер (1878) и русские Дмитрий Путятя (1883) и Бронислав Громбчевский (1888). Как упоминалось ранее, Али Мардан родился от брака Фатх Али Шаха с его второй женой, дочерью *мира* Хунзы («сум» по бурушаски) Газанфар Хана I (г. см. 1864). Первая жена Али Мардана была дочерью временного шугнанского правителя Вахана Шах Мир Бека, свергнутого Фатх Али Шахом. При побеге из Вахана Шах Мир Бек забрал с собой свою дочь. Он затем женился на сестре *мехтара* Читрала – Аманулла Хана. Его вторая жена была вдовой шугнанского *мира* Юсуф Али Хана и сестрой сарыкульского правителя Алиф Бека (сына Абу Хасан Бека). Томас Гордон был, пожалуй, первым европейским путешественником, который встретился с Али Марданом в 1874 году, когда тот был еще наследным принцем (*мирзада*). Гордон описывает его, как «молодого мужчину лет двадцати пяти, со светлыми волосами и голубыми глазами и приятными манерами» (Gordon, 1876: 129–130). В докладе Гордона была отдельная глава, подчеркивавшая религиозность *мира*, которая проявилась при его прощании с экспедицией Гордона в Лангар-Кишт. Али Мардан подарил Гордону двух охотничьих собак. Когда Гордон спросил его, что он хотел бы получить взамен, *мир* попросил кольцо (которое ему вскоре было послано из Дели) с гравировкой, гласящей:

*Ба фазл-и ан Худавад-и нигахбан,
Али Мардан гулям-и Шах-и Мардан.*

По милости Защитника Бога,
Али Мардан – слуга Царя Людей [Али б. Аби Талиб]
(Gordon, 1876: 152–53)

Несмотря на то, что *миры* обычно не пользовались популярностью среди простых людей, Али Мардан оказался исключением из этого правила, согласно докладам вышеупомянутых иностранных путешественников. Он описывается как справедливый правитель, заботящийся о судьбе своих подданных, любитель собак и конного спорта, заядлый охотник. Путята, (1884: 66), к примеру, писал, что жители Вахана любили своего князя и были готовы пожертвовать своей жизнью ради него. Гордон (1873: 130) также подчеркивает любовь *мира* к скачкам, охоте и собакам. Записи Бобринского (1908) тоже переключаются с этим описанием, добавляя и другие интересные детали о Али Мардане и княжестве, основываясь на устных рассказах. Один из опрошенных Бобринским, местный житель Мазаб Шах, который служил при дворе *мира* в Кала-и Пяндже, говорил, что *мир* любил спорт, скачки (у него было 6–7 бадахшанских скакунов) и охоту со своими стражниками и собаками; он часто охотился на горных козлов и баранов в Кабал-Шикаре («круговая охота»), охотничьем хозяйстве неподалеку от села Лангар (Бобринский, 1908: 66–70). Устные рассказы также упоминали местность Шикарший («охотничьи скалы») на правом берегу реки Пяндж, неподалеку от села Ниджгар, где *мир* часто охотился.¹³

Правление Али Мардана пришлось на период, когда Россия, Великобритания, Афганистан и Китай активно пытались расширить свое влияние в Памире. В 1875–76 гг. русские завоевали Кокандское ханство и создали Ферганскую Область в составе ТГГ. Так как Вахан, Шугнан и Восточный Памир являлись номинальной частью бывшего Кокандского ханства, Российская Империя автоматически установила контроль над этими территориями и к 1878 году расширила его на 70 миль к югу от Кызыл-Джик в Памире (Carver, 1981: 110). После распада государства Якуб Бека в 1879 году Китай отвоевал Восточный Памир, который принадлежал *миру* Вахана. В начале 1880-х китайские войска находились в различных частях Памира, однако с афганским нашествием на левый берег Западного Памира и надвигавшимися русскими в Восточном Памире, китайская власть в регионе вскоре подошла к концу. В 1884 году в Санкт-Петербурге было подписано Русско-Китайское соглашение, которое, по сути, очертило нейтральную зону в Памире (Craver, 1981: 11). В тот же год Сарыкуль стал частью провинции Синьцзян, недавно установленной в Восточном Туркестане китайской династией Цин. Она также включала бывшее княжество (Кашгар) Якуб Бека.

Политическая ситуация на западных фронтах также стремительно менялась. В 1880 году, после смерти афганского короля Шер Али Хана, его племянник генерал Абдурахман Хан вышел из десятилетнего изгнания и занял его трон (Morgan, 1981:189). Вскоре после этого, Абдурахман установил новую провинцию в оккупированных территориях Бадахшана и Катагана, назначил Сардар Абдулла Хана новым губернатором, издал указ об упразднении полунезависимых княжеств Шугнана, Зибак и Вахана (Straub, 2013: 29–30). Он также захватил Рушан и Шугнан, что, по мнению Российской Империи, было нарушением Англо-Русского соглашения 1873 года. Хотя русская сторона пыталась протестовать дипломатическими средствами, она не смогла остановить продвижение афганской армии и её союзников. Британцы же считали, что левый берег реки Пяндж и долина Сархад вплоть до озера Зоркуль принадлежала Афганистану. Более того, Британская Империя хотела расширить территорию Афганистана до границ с Китаем на востоке, чтобы в будущем предотвратить возможное продвижение русских в Индию. Эта идея была впервые предложена в 1884 году Сэром Чарльзом Мак-Грегором, британским генералом армии в Индии, в докладе «*Оборона Индии: Стратегический Анализ*»

13 Взято из интервью Мирбоза Шокимова в селе Зугванд в феврале 2002 года.

(Yarr, 2001:194). Позднее, британцы приняли это предложение и отправили несколько миссий в Памир с целью утвердить так называемые «исторические права» Китая и Афганистана над территорией Памира и заодно собрать военные сведения о регионе (Постников: 51–66). Эти миссии возглавляли Уильям Локхарт (1885 г.), Ней Элиас (1885–86 гг.), Франсиз Янхазбанд (1889 г.), Джордж Литтлдейл (1890 г.) и другие. Например, одной из задач миссии Элиаса было «устранить неопределенности Соглашения 1872 года», поскольку ни афганцы, ни британцы не знали точно, как выглядела восточная граница Афганистана (Morgan, 1981: 200–201).¹⁴ Морган также пишет, что у Элиаса было письмо от духовного лидера исмаилитов – Ага Хана III, благодаря которому его тепло приняли в Вахане и других исмаилитских сообществах (1981: 204). Несмотря на заключения доклада Элиаса о том, что Шугнан, Рушан и Дарваз «этнически» связаны с Бухарой, «географические аргументы не могут быть использованы для пересмотра соглашений, достигнутых между Российской и Британской империями в 1873 году» (Morgan, 1981: 233). Элиас составил первую карту, в соответствии с планом британцев поделить Памир между Китаем и Афганистаном (Постников, 2000: 65). Карты региона также были составлены другими европейскими путешественниками, включая шведского географа Свена Хедина (в 1898 г.) и датского географа Оле Олуфсена (в 1904 г.).¹⁵ Также следует упомянуть работы так называемых «транс-рубежных исследователей» в данной сфере, таких как Абдул Маджид (1860 г.), Мирза Шуджа (1868–69 гг.), Хавильдар (1870 г.), Фаиз Бахш (1870 г.), Ибрахим Хан (1870 г.), Мунши (1874 г.), Мухтар Шах (1879–81 гг.) и Абдул Рахим (1889–90 гг.) (Kreutzmann, 2017: 63).

Русские же значительно уступали британцам на начальном этапе европейских открытий в регионе. Первые русские экспедиции, возглавляемые Алексеем Федченко (в 1871 г.), Николаем Северцовым (в 1876 г.), Иваном Мушкетовым (в 1878 г.) и Василием Ошаниным (в 1878 г.), подошли близко, но не сумели пройти через Памирские регионы (Curzon, 1896: 239–260). Первые русские экспедиции, которые добрались до Вахана, Шугнана и других горных районов, были проведены Дмитрием Путятя (в 1883 г.), Брониславом Громбчевским (в 1889 г.) и полковником Михаилом Ионовым, который прошел через Памир и установил Памирский Пост в 1891 году. Капитан Путятя был важным обозревателем и прямым свидетелем событий в Вахане в 1883 году. В сопровождении Дмитрия Иванова и Бендерского, он совершил русско-памирскую экспедицию в Восточный Памир (Большой Памир), Вахан, Сарыкуль и Шугнан. Экспедиция достигла Сархада 11 августа 1883 года и покинула Пяндж через восемь дней (1884: 21–30).¹⁶ Пребывание Путятя во многом перекликается с туром Вуда в том смысле, что оно стало причиной серьезных проблем для ваханского правителя и его подданных. Когда афганцы, захватившие контроль над Ваханом благодаря Англо-Русскому Соглашению 1872–73 гг., узнали, что Али Мардан Шах впустил туда русскую экспедицию, они вновь вторглись в регион и терроризировали его население, заставив бежать *мира* и сотни его соотечественников в Читрал, Хунзу и Сарыкуль.¹⁷ Следует отметить, что накануне прибытия Путятя в Вахан, *эмир* Бухары (протекторат Российской Империи) вызвал к себе Юсуф Али Хана, *мира* Шугнана, который до этого попросил бухарского эмира взять Шугнан под свою юрис-

14 Для более подробной информации о докладе Ней Элиаса, см. Elias (2008).

15 Имеется множество карт данного региона, написанных другими иностранными и местными исследователями. См. их репродукции в Kreutzmann (2015 и 2017 гг.).

16 Капитан Дмитрий Путятя (1855–1915 гг.) сопровождался Дмитрием Ивановым (горным инженером), Николаем Бендерским (топографом), 20 казакскими всадниками и 8 местными жителями. Результаты их экспедиции были опубликованы под названием «Очерк экспедиции Генерального штаба капитана Путятя в Памир, Сарыкол, Вахан и Шугнан 1883 г.» в Сборнике географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 10. СПб., Военная типография, 1884.

17 Руководитель Ошского уезда Ферганской области ГТТ также подтвердил этот факт после того, как он получил письмо от Путятя. ХИГН, 1: 9.

дикцию. Однако в то время просьба была отклонена. Что еще хуже, это обращение Юсуф Али Хана разозлило афганцев. Они отправили в Шугнан армию; арестовали мира, его семью и 74 старейшин-аксакалов, после чего назначали его племянника, Гухар Аман Хана, новым губернатором Шугнана под протекторатом афганского короля, Мухаммад Феруз Хана.¹⁸ Позднее они назначили Гульзар Хана, пуштуна из Кандахара, новым правителем Шугнана (Elias, 2007: 58). Афганцы также вызвали Али Мардана и зибакского правителя Сахиба в Ханабад. Но в отличие от Юсуфа Али Хана, ваханского *мира* встретили тепло, преподнесли ему подарки и отправили с почестями домой.

В Сархаде Путята встретился с местным *кади* (судья) Сарваром. С помощью своего переводчика Мирзы Азиза, Путята узнал, что шестью днями ранее (т. е. 5 августа 1883 года) Али Мардан вернулся из Ханабада, где он сумел наладить отношения с афганским правителем Бадахшана и Катагана. Помимо этого, *кади* утверждал, что Али Мардан являлся независимым миром, контролирующим также Зибак и Ишкашим (Путята, 1884: 17). Путята признал, что он скрыл свою личность, притворившись простым ученым-путешественником. Он послал письмо Али Мардану через *кади* Сарвара с просьбой помочь его экспедиции пройти через Ярхун в Читрал. В ответ *мир* пригласил Путяту и его команду в свой дворец в Кала-и Пяндже. В то же время *мир* созвал срочную встречу с местными *аксакалами*, чтобы обсудить афганское нашествие. Однако приглашение Али Мардана для Путяты было вскоре отменено, поскольку афганцы (узнав о встрече через своего шпиона в Пянджа – человека по имени Муджир) с угрозами приказали не оказывать помощь русским.

Кудрат Шах, советник Али Мардана, принесший Путяте письмо мира, сообщил русским, что «ваханцы оставляют страну, Хан [так Путята называет *мира*] бежал из Кала-и Пянджы сегодня в ночь [с 14 по 15 августа]; полчаса тому назад он проехал мимо нашего лагеря, но не решился нас беспокоить. Али Мардан очень хочет встретиться с главой экспедиции, чтобы получить совет по поводу его надежды найти убежище в России.» (1884: 26). Путята отправился на встречу с *миром* в Кала-и Вуст. По дороге туда он видел, как люди в отчаянии беспорядочно бросали свои дома и скот, чтобы бежать в Читрал и Хунзу. Путята спросил одного ваханца, почему они бегут. Ответ был таков:

«Русские пришли [в наше княжество], афганцы хотели забрать нашего хана; хан бежал, мы пойдем за ним, его не оставим. ... Житья нет от своеволия афганцев. наших людей берут в рабство. Заставляют строить дороги в Бадахшане. Требуют много рабочих, а наше хозяйство приходит в расстройство. Насилуют жен. Придет в дом афганец в отсутствие мужа, да еще калоши оставит у входа. Муж воротится, его бьют. Как смел войти, когда видел у дверей афганские калоши. Пока был хан, он заступался. Хан бежал и нами завладеют, как рабами. (Путята 1884: 26–27).

15 августа 1883 года Путята наконец-то встретился с Али Марданом в Кала-и Вусте. Как и его подданные, *мир* тоже пожаловался на завоевателей: «Афганцы меня ограбили, всё у меня отняли, взяли бы и жену, если бы я не решился на побег» (1884: 28). Путята не предоставляет детали его разговора с *миром*. Он не ответил на просьбу Али Мардана позволить ему въехать в оккупированные Россией территории Центральной Азии. Единственное, что сообщает

18 ХИГН, Док. 1, «Письмо Руководителю Азиатского Отделения Консульства Российской Империи в Кашгаре», датированное 12 сентября 1883 года, № 98, с. 9. К сведению, события 1883 года также заставили бежать в Читрал самого влиятельного религиозного лидера исмаилитов в Бадахшане, пира Зибак, Шах Абдурахима, который был сыном Шах Якут Шаха (Straub, 2013: 22, 33).

Путята, это то, что у *мира* не было другого выбора, как покинуть свое княжество. Другие источники также упоминают это событие. Например, Бобринский (1908: 42) утверждает, что Али Мардан бежал из своего княжества вместе со своей семьей, включая братьев Насриддин Шаха (Думак) и Сарбуланд Али Шаха, и примерно 60–100 семей последовали за ними. Его семья отправилась в Кунджут (Хунзу), однако сам мир сначала посетил Абу Хассана, правителя Ташкурмана (Сарыкуля), и оттуда отправил еще одну просьбу Российской империи разрешить ему въехать на оккупированные Россией территории. Русские же не горели особым желанием ему помочь. Одной из причин этого могла быть слабая позиция России в Большом Памире, Вахане и Шугнана на правом берегу реки Пяндж из-за Англо-Русской демаркации 1895 года. Более того, русские войска даже не присутствовали на этих таджикских территориях. Только после британской экспедиции 1889 года, которой командовал Франсиз Янгхасбанд, Российская империя расширила свою деятельность на Памире (Kaushik, 1976: 242). Первая русская военная база – «Памирский Пост» (изначально известный как *Шах Джан*) была установлена в 1891 году полковником Михаилом Ионовым в нынешнем городе Мургаб в Таджикском Бадахшане.¹⁹

После побега Али Мардана афганские завоеватели учредили колониальный орган управления *хакима* (губернатора) в Вахане, Зибаке, Ишкашине и Шугнан-Рушане. Все *хакимы*, некоторые из которых были выбраны из местных пособников, были назначены Абдурахман Ханом или его главным губернатором Катаган-Бадахшанской провинции. В Вахане указом Абдурахман Хана *хакимом* стал кыргыз по имени Гаффар Хан (Straub 2013: 33). В 1888-89 годах в Бадахшане произошла серия восстаний против нового афганского режима, которая была детально описана Файз Мухаммад Катиб Хазарой в его *Сираж ал-Таварих*. Он писал, что восстания частично расжигались русскими и двоюродным братом Абдурахмана, Исхак Ханом, который являлся наместником Северного Афганистана и возглавлял бунты.²⁰ Сыновья *миров* Катагана и Бадахшана также участвовали в восстании (Nazara 1952: 620). Свергнутый *мир* Вахана Али Мардан пришел с правого берега реки Пяндж с небольшой группой своих сторонников, включая кавалерийские и пехотные войска. Британский агент в Гилгите Алгернон Дюранд докладывал, что Исхак Хан вызвал Али Мардана из его изгнания и восстановил его в качестве *мира* Вахана (Durand 1899: 78). Этот факт был подтвержден самим Али Марданом в его письме русскому путешественнику и спецагенту в Ферганском офисе ТГГ, Брониславу Громбчевскому (г. см. 1926), который путешествовал через Вахан-Дарью в Хунзу. В начале октября 1888 года Громбчевский получил письмо от *мира*, в котором тот сообщал, что афганцы бежали и он «вернулся на трон своих предков» (Громбчевский 2008: 270-71). Однако и в этот раз русские отказались поддержать эмира. Престол Али Мардана вскоре был оспорен хакимом Иштраг Сада (один из районов Вахана) Ашур Хан Вахи, который сотрудничал с афганцами. С помощью боевиков Назар Мухаммад Хана, Ашур вновь изгнал Али Мардана и его брата Сарбуланд Али Шаха, заставив их бежать в Читрал (McChesney, Khorrami 2013: 485). В Читрале они были встречены зятем мира, мехтаром Аман ул-Мулком. Британцы сначала пытались создать протекторат под именем «Сад-и Сархад», котрый включал Большой Памир и Малый Памир под правлением Али Мардана, но потерпели неудачу (Straub 2013: 57). Позже они поддержали его назначение губернатором долины Ишкамана (нынешняя провинция Гилгит-Балтистан в Пакистане). Его резиденция находилась в селе Имит, где он служил в качестве губернатора до своей смерти в 1926 году (Chohan 1998: 215). Ишкаман стал новым

19 Более подробную информацию об организационной структуре Памирского Поста см. ХИГН, 29: 257.

20 Английский перевод трех томов Сираж ал-Таварих, см. McChesney and Khorrami (2013).

домом для ваханских беженцев, которые к 1906 году составляли 37% от общего населения долины (Kreutzmann 2005: 13). Громбчевский утверждает, что когда Али Мардан бежал из Вахана в Ишкаман, афганцы разместили 200 пехотных и столько же кавалерийских отрядов в Кала-и Пяндже, и еще отправили 25 отрядов в Лангарский военный пост на правом берегу реки Пяндж, которым управлял афганец Мухаммад Рахим Карнейл (ХИГН, Док. 7: 39-40). Громбчевский также сообщает о насилии афганской оккупации. К примеру, в 1888 году во время поездки из Каратегина в Алтын Мазар и оттуда в село Сарез (превратившееся в озеро после землетрясения 1911 года), он писал:

«По дороге мы встретили массы бегущих шугнанцев, от которых узнали, что захват Шугнана сопровождался страшными жестокостями: всё население, способное носить оружие, было убито; девушки и молодые женщины изнасилованы, а дети более знатных и влиятельных семейств высланы в Кабул. Население бежало, направляясь в пределы Китая, к соплеменникам своим сарыкольцам, но китайцы выслали сильный отряд под начальством Джан-дарина, который безжалостно прогнал беглецов обратно в Шугнан, и афганцы ловили и казнили возвращающихся. Беглецами овладела паника. Они тянулись поспешно к Мургабу, бросая по дороге больших, детей, скот и своё домашнее имущество ... » (ХИГН 7: 37-38).

Боясь афганских набегов и жестокого обращения, многие ваханцы бежали в Читрал, Хунзу и Сарыкуль. Тем временем, в захваченном Вахане афганский губернатор Катагана и Бадахшана, Шазада

Хасан назначил Ашур Хана наместником (*наиб*). Согласно *Сираж ал-Таварих*, Наиб Ашур (г. см. 1895) и его сыновья, Лал Бек и Исмаил Хан, активно сотрудничали с афганцами. Летом 1889 года он и некоторые ваханские *арбабы* (знать), включая Кази Гуламнаби, Мубарак Шаха, Гулям Хайдара, Аман Бека, Тила Бека, Тамаша и Мазхаб Шаха, были приглашены афганцами в Файзабад, где им вручили *хилъаты* (церемониальное одеяние) и затем отправили назад в Вахан (McChesney and Khorrami, 2013: 521). Несмотря на подобные приглашения местной знати, афганцы отдавали предпочтение не таджикам, а своим соплеменникам пушту, при выборе на ключевые муниципальные и военные должности в Бадахшане, Вахане и других оккупированных княжествах (Straub, 2013: 35).

Территориальный спор между Афганистаном и Россией вдоль реки Пяндж продолжался вплоть до демаркации в 1895 году, когда Россия и Великобритания окончательно разделили сферу влияния над Бадахшаном и его памирскими княжествами. Граница этого решения шла к востоку от Зоркуля (озеро Виктория) до перевала Орта-Бег (Бендерский) и дальше к Кызыл Рабат у реки Аксу и вниз вдоль реки Пяндж (Ewans, 2008: 252-254). Данное соглашение также обязывало афганцев вывести свои войска с левого берега Дарваза и взять контроль над правыми берегами Дарваза, Шугнана, Рушана, Гарана, Ишкашима и Вахана. Река Пяндж стала демаркационной линией между новыми территориями, оккупированными Афганистаном и Россией. Таким образом, Вахан, Гаран, Шугнан, Рушан и Дарваз были поделены вдоль этой реки между Афганистаном (левый берег) и Бухарским эмиратом (правый берег), который был протекторатом России.

Царская Россия, вопреки желанию местных жителей, умолявших русских защитить их от афганского угнетения, отдала вновь оккупированные территории суннитским мангитам-правителям Бухары, которые, как и афганцы, были недружелюбно настроены по отношению к шиитам. Как бы это иронично не звучало, даже сам эмир Бухары Абдул Ахад Хан (прав. 1885-1910 гг.) не хотел брать в управление шиитско-исмаилитские округа, ссылаясь на их веру, отдалённость, плохую инфраструктуру и отсутствие какой-либо материальной выгоды для эмира.²¹ Тем не менее, его послы и администраторы всеми силами старались выжать прибыль из этих бедных регионов. Руководствуясь своими религиозными предрассудками, они притесняли местных жителей, установив суннитские законы шариата и высокие налоги, вдобавок значительно способствовали распространению опийной наркомании (Шохуморов 2008: 65-69). Многие юные девочки и мальчики были отобраны у своих родителей и проданы в афганских городах. Сообщалось и о том, что юные девушки были насильно выданы замуж за афганских и бухарских офицеров и администраторов, а мальчики подвергались сексуальному насилию. Даже дети влиятельных местных людей не могли избежать домогательств. Например, секретарь русского политического агентства в Бухаре Барон Черкасов докладывал, что в 1903 году во время сбора налогов в селе Зунг в Вахане войска бухарского *бека* (губернатора) Памира Мирзы Юлдаша хотели поработить и надругаться над сыном местного уважаемого религиозного лидера (*тира*), однако они были остановлены благодаря упорному сопротивлению со стороны жителей села (ХИГН 27: 207). Это происшествие вызвало широкий общественный протест и гражданские беспорядки, которые заставили бухарцев навсегда бежать из Вахана, а позднее, из других исмаилитских регионов (ХИГН 236). В итоге Русское правительство ответило на мольбу местных религиозных и политических лидеров Вахана, Шугнана и других регионов включить Памир в состав Российской империи (ХИГН 23, 24). Западный Памир, как его называли русские, на правом берегу реки Пяндж попал под юрисдикцию ТГГ в начале XX века. Местный житель Мулла Назар Шах (1819-1910 гг.), запечатлённый на фото Андреевым и Половцовым (1911:41) в 1902 году, был свидетелем этого события. Он поэтически описал приход русских и побег бухарцев из Вахана.

*Фасли бахар бигзашту амад мохи тамус,
Амад садаи тум-туми авазаи урус,
Хаким наяфт фурсати пушидани чамус,
Бичара набархана халаси наяфт аз урус.*

Закончилась весна и пришло лето,
Русские идут, их топот слышен.
Губернатор даже не успел надеть сапоги,
Бедный босяк не смог сбежать от русских.²²

21 Сомнения эмира насчет его новых исмаилитских территорий приведены в письме, которое он послал ТГГ, и датированное 24.07.1901. ХИГН 21:152-153.

22 All the Persian and Russian translations in this article are by the author (Ioliev), unless otherwise stated.

Мулла Назар Шах, третий слева, в селение Рин. Источник: Андреев Половцов (1911:41, фото VI)

Заключение

Накануне Англо-Русской борьбы в Центральной Азии в конце XIX века, Вахан находился под политическим влиянием со стороны Бадахшана, данника Кундуза, на западе и Коканского ханства на востоке. Приход русских и британцев в регион вызвал драматические изменения в политическом ландшафте Вахана. Эти империи, стремясь расширить зоны своего влияния в Центральной и Южной Азии, использовали Афганистан (британцы), Китай (британцы) и Бухарский эмират (русские), чтобы утвердить свои так называемые «исторические права» над Бадахшаном и памирскими княжествами, которые до этого являлись независимыми (Бадахшан) или полунезависимыми (Вахан, Шугнан и Дарваз) государствами. В начале своего соперничества ни русские, ни британцы не имели ясного представления о населении, географии и культуре памирских княжеств. Их амбиции были мотивированы лишь их геополитическими целями, а именно расширением сфер политического и экономического влияния. За короткий срок британские и русские исследователи и шпионы смогли собрать достаточно данных о людях и географии этих регионов, чтобы составить первые топографические карты и приступить к риторическим спорам через своих сторонников.

В этих спорах Вахан стал ключевой точкой из-за своего географического положения. Вахан граничил с новыми территориями Британской империи на юго-востоке, русскими колониальными территориями в Туркестане на севере, китайскими протекторатами на востоке и оккупированными Афганистаном территориями в Бадахшане на западе. Вахан служил коридором между этими регионами. Более того, огромная территория Большого и Малого Памира с её полезными ископаемыми и водными ресурсами принадлежала ваханским правителям, которые, стремясь сохранить свою власть, старались угодить, или наоборот, конфликтовали с могущественными соседями. К примеру, два узбекских правителя Бадахшана были убиты в атаке на Вахан.

Рахим Бек, Фатх Али Шах и Али Мардан Шах, три самых влиятельных правителя Вахана в девятнадцатом веке, пытались использовать свои ограниченные дипломатические и военные возможности, чтобы спасти княжество. Рахим Бек был сильным лидером, который пожерт-

вовал жизнью во имя своих политических убеждений. Его брат Фатх Али Шах, с другой стороны, был более дипломатичен и старался наладить отношения с соседними государствами, чтобы не допустить порабощения княжества. Под его командованием в 1865 году ваханская армия участвовала в битве Канарика на стороне Якуб Бека Кашгара против китайцев. Однако «Большая Игра» мировых супердержав уже началась и судьба княжеств Центральной и Южной Азии, независимо от их размера и силы, была заранее predeterminedлена целями этой игры.

Такие крупные царства, как Бухарский эмират и Афганистан, были выбраны для управления такими малыми княжествами, как Бадахшан, Вахан и Шугнан. Соглашение Гранвилль-Горчакова 1873 года положило конец полу-независимости Вахана и Бадахшана, отдав контроль над ними Афганистану, но обе части Вахана оставались единым вплоть до 1895 года. Али Мардан – последний правитель Вахана, старался защитить своё княжество и его население от религиозных и политических притеснений со стороны афганцев. После афганского вторжения в 1883 году он сделал несколько попыток восстановить своё княжество, однако установившийся баланс держав в регионе сыграл против него. Во время восстаний 1888–89 годов в Бадахшане он вернулся из изгнания и присоединился к мятежникам, которые выступали против афганцев. Однако вскоре он был предан местными афганскими сообщниками и ему было отказано в поддержке русскими. Можно предположить, что в случае оказания помощи со стороны России единство Вахана можно было бы сохранить. По иронии судьбы, отказ русских впустить Али Мардана на контролируемые Россией территории в Центральной Азии в конечном итоге спасли его, так как позднее большевики захватили власть в Царской России и уничтожили, либо изгнали в лагеря Сибири всех, кого они считали приверженцами феодализма, включая бывшую политическую и религиозную элиту.

Англо-русское соглашение 1895 года поделило Вахан между Афганистаном и Бухарским эмиратом. За этим последовала темная эра этнических и религиозных преследований со стороны афганских и бухарских правителей, вынужденной миграции ваханцев и депопуляция их исторических земель, а также появление новых общин беженцев в Китае (провинция Синьцзян) и Британской Индии (провинция Гилгит-Балтистан нынешнего Пакистана). Это причинило колоссальный ущерб населению Вахана. Левый берег реки Пяндж и долина Сархад оказались под окончательным контролем Афганской администрации; правый же берег прошел через несколько политических трансформаций после раздела в 1895 году. Местное население пережило бухарский гнет, пользовалось некоторой свободой под управлением царской России и достигло огромных подвигов в сфере образования, социального равенства, здравоохранения и инфраструктуры во время Советской власти.

Список литературы

1. Андреев, М. и Половцов, А. 1911. «Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии: Ишкашим и Вахан», в *Сборнике музея антропологии и этнографии*, № 9: 1–47.
2. Бабаев, А. 1973. *Крепости древнего Вахана*. Душанбе: Дониш.
3. Бартольд, В. 1963. *Общие работы по истории Центральной Азии. Сочинения*, т. 9. Ред. Б. Гафуров. Москва: Издательство восточной литературы, том 2, кн. 1.
4. Басханов, М. 2015. «У ворот английского могущества». А. Е. Снесарёв в Туркестане, 1899-1904. Санкт Петербург: Нестор-история.
5. Beal, S. (tr.) 2005. *Si-Yu-Ki: Buddhist Records of the Western World*, vol. 2. London: Elibron Classics.
6. Beckwith, C. 2011. *Empires of the Silk Road: A History of Central Eurasia from the Bronze Age to the Present*. Princeton & Oxford: Princeton University Press.
7. Бобринской, А. 1908. *Горцы верховьев Пянджа (Ваханцы и ишкаимцы)*, Москва: Творчество скоропечь. А. А. Левенсон).
8. Болдырев, А и Григорьев, С (изд.). 1997. *Тарих-и Бадахшан (История Бадахшана)*. Москва: Наука.
9. Boulger, D. C. 1878. *The Life of Yakoob Bek: Athalik Ghazi and Badaulet, Ameer of Kasghar*. London.
10. Бубнова, М (Изд.). 2005. *История Горно-Бадахшанской Автономной Области*, т. 1. Душанбе: Пайванд.
11. Carver, John. 1981. «*The Sino-Soviet Territorial Dispute in the Pamir Mountains Region*», *The China Quarterly*, 85: 107–118.
12. Curzon, G. (1896). «*The Pamirs and the Source of the Oxus (Conclusion)*», in *The Geographical Journal* 8 (3), 239–260.
13. Chohan, A (1998) *The Gilgit Agency 1877–1935. Atlantic Publishers and Distributers: New Delhi*.
14. Durand, A. 1899. *The Making of a Frontier; 5 Years' Experience and Adventuress in Gilgit, Hunza, Nagar and the Eastern Hindu-Kush*. London: John Murray.
15. Elias, N. 2008. «*Report on a mission to Chinese Turkestan and Badakhshan in 1885-1886*» in M. Ewans (ed.), *Britain and Russia in Central Asia, 1880–1907*. Vol. 5. London: Routledge.
16. Элчибеков, К. 1984. «*Генеалогия шугнанских правителей XVIII-XIX вв.*» в А. Мухторов (ред.) *Памироведение (Сборник статей)*, вып. 1, Душанбе: Дониш.
17. Ewans, M (ed.), *Britain and Russia in Central Asia, 1880–1907*, vol. 1. London: Routledge, 2008: 252-254.
18. Gibb, H. 1923. *The Arab conquests in Central Asia*. London: The Royal Asiatic Society.
19. Gordon, T. (1876). *The Roof of the World, being the narrative of a journey over the high plateau of Tibet to the Russian frontier and the Oxus sources on Pamir*. Edinburgh.
20. Grombchevskii, B. 2008. «*Report on the Situation in Afghanistan and the Pamirs*» in M. Ewans (ed.), *Britain and Russia in Central Asia, 1880-1907*, vol. 1. London: Routledge.
21. Hazārah. K. F. 1952 (1331). *Kitāb-i Mustabā-i Sirāj al-Tawārīkh*. Kabul: Matba'e Hurfi'e Dar al-Saltanah.
22. Hedin, S. 1898. *Through Asia*. London: Mathew and Co.

23. Hopkins, B. 2008. «Race, Sex and Slavery: «Forced Labour» in Central Asia and Afghanistan in the Early 19th century», in *Modern Asia Studies* 42 (4): 629-671.
24. Hopkirk, P. 1992. *The Great Game: The Struggle for Empire in Central Asia*. New York: Kodansha International.
25. Poliev, A. 2018. «The Silk Road Castles and Temples: Ancient Wakhan in Legends and History» in D. Dagiev and C. Faucher (eds.), *Identity, History and Trans-Nationality in Central Asia: The Mountain Communities of Pamir*: London: Routledge.
26. Poliev, A. 2013. «Pirship in Badakhshan: The Role and Significance of the Institute of the Religious Masters (Pirs) in Nineteenth and Twentieth Century Wakhan and Shughnān», in *Journal of Shi'a Islamic Studies* 6 (2): 155–176.
27. Poliev, A. 2008a. *The Ismā'īlī-Sufi Sage of Pamir: Mubārak-i Wakhānī and the Esoteric Tradition of the Pamirī Muslims*. New York: Cambria Press.
28. Poliev, A. 2008b. «Popular Culture and Religious Metaphor: Saints and Shrines in Wakhan Region of Tajikistan», in *Central Asian Survey* 27: 59–73.
29. Искандаров, Б. 1983. *Социально-экономические и политические аспекты истории памирских княжеств*. Душанбе: Даниш.
30. Kaushik, D. 1967. «British Designs in Central Asia in the Nineteenth Century», in *Proceedings of the Indian History Congress* 29: 233–243.
31. Kennedy, H. 2007. *The Great Arab Conquests: How the Spread of Islam Changed the World We Live In*. London: Weidenfeld & Nicolson.
32. Кушкеки, Б. 1926. *Катаган и Бадахшан*. Переведено с персидского языка на русский П. Ведским, В. Догополовым и Е. Левкиевским, ред. А. Семенов. Ташкент.
33. Kreutzmann, H. 2017a. *Wakhan Quadrangle: Exploration and Espionage during and after the Great Game*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
34. Kreutzmann, Hermann. 2017b. «Historical geography of the Pamirs». In: David Ludden: *Oxford Research Encyclopedia of Asian History*. New York: Oxford University Press Kreutzmann, Hermann. 2015a. *Pamirian crossroads. Kirghiz and Wakhi of High Asia*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag
35. Kreutzmann, H. 2005. «The Significance of Geopolitical Issue for Development of Mountainous Areas of Central Asia», in *Strategies for Development and Food Security in Mountainous Areas of Central Asia*. Paper 2. International Workshop, Dushanbe Tajikistan.
36. Kreutzmann, H. 2005. «Linguistic Diversity in Space and Time: A Survey in the Eastern Hindukush and Karakorum», *Himalayan Linguistics* 4: 1–24.
37. Kreutzmann, H. 1996. *Ethnizität im Entwicklungsprozeß. Die Wakhi in Hochasien*. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, xv u. 488 p.
38. Лашкарбеков, Б. (2018). *Ваханский глагол в историческом аспекте*. Москва: Языки Народов Мира.
39. Levi-Sanchez, S (2017) *The Afghan-Central Asian Borderland: The state and local leaders*. Oxon and New York: Routledge.
41. Littledale, G. 1892. «A Journey across the Pamir from North to South», in *Proceeding of the Royal geographical society and monthly record of geography*.
42. Mackenzie, D. 1967. «Kaufman of Turkestan: An Assessment of His Administration 1867–1881», in *Slavic Review* 26: 265–285.

43. Мандельштам, А. М. 1957. «Очерки истории изучения Памира и памирских областей» in *Материалҳо оид ба обзори тарихи-географию помир ва вилоязои амхудуди он (аз даврахойкадим то асри х санай мо)*. Нашриёти Академия фанбой РРС Тоҷикистон: Сталинобод.
44. McChesney, D. and Khorrami M. (eds. & trans.) 2013. *The History of Afghanistan: Fayz Muḥammad Kātib Hazrārah's Sirāj al-tawārīkh*. Vols. 2–3 Brill: Leiden, Boston.
45. Минаев, Н. (1879). *Сведение о странах по верховьям Аму-Дарьи*. Санкт Петербург: Типография В. С. Балашева.
46. Minorskiĭ, V. (tr.) 1980. *Hudūd al- 'ālam. The Religions of the World: A Persian Geography 372 A. H. – 982 A. D.* Karachi: Indus Publications.
47. Mirzo, O. 2010. *Wakhān*. Dushanbe: Irfān.
48. Morgan, G. 1981. *Anglo-Russian Rivalry in Central Asia: 1810–1895*. London: Frank class and
49. company limited.
50. Newby, L. J. 2005. *The Empire and Khanate: A Political history of Qing relations with Khoqand c. 1760–1860*, p. 30.
51. Olufsen, O. 1904. *Through the Unknown Pamirs: The Second Danish Pamir Expedition 1898–99*. London: W. Heinemann.
52. Пирумшоев, Х. 2011. *Памир в русской историографии половины XIX–начала XX в.* (Докторская диссертация, Душанбе).
53. Почекаев, П. 2019. *Государство и право в Центральной Азии глазами российских и западных путешественников XVIII– начала XX вв.* Москва: Издательский дом высшей школы экономики.
54. Постников, А. 2000. «Историческая правда» соседних государств и география Памира как аргумент в «Большой Игре» Британии и России (1869–1896)», в Акта Славика Японица 17: 33–99).
55. Путята, Д., 1884. *Очерки экспедиции Г. С. Кан. Путята в Памир, Сарыколь, Вахан и Шугнан 1883 г.*, в Сборнике географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 10. Санкт Петербург: военная типография.
56. Prescott, J., 1975. *Map of Mainland Asia by Treaty*. Carlton: Melbourne University Press
57. Qurbonshoev, A. 2009. *Wakhān – āsārkhāna-yi ta'rikh*. Dushanbe: Nodir.
58. Rahim, Abdul. 1886. *Journey to Badakhshan; with report on Badakhshan and Wakhān. Books in English*. Paper 188. <http://digitalcommons.unomaha.edu/afghanuno/188>.
59. Rawlinson, Henry Creswicke. 1873. «On Badakhshān and Wakhān». *Proceedings of the Royal Geographical Society of London* 17 (2): 108–116.
60. Stein, A. 1928. *Innermost Asia: Detailed Report of Explorations in Central Asia, Kan-su, and Eastern Iran /carried out and described under the orders of H.M. Indian government by Sir Aurel Stein*. Volume 2: Texts. Oxford: Clarendon Press.
61. Стеблин-Каменский, И. 1999. *Этимологический словарь ваханского языка*. Санкт Петербург: Петербургское востоковедение).
62. Sheehy, A, 1968. «Russia and China in the Pamirs: 18th and 19th centuries», *Central Asian Review* 16 (1).
63. Trotter, H. 1875. *Account of the Survey Operations in Connection with the Mission to Yarkand and Kashgar in 1873-74*. Calcutta: The foreign department press.

64. Trotter, H. 1878. «On the Geographic results of the Mission to Kashgar, under Sir T. Douglas Forsyth in 1873–184», in *the Journal of Royal Geographic Society of London*, vol. 48, p. 234.
65. Wheeler, G. 1981. *Anglo-Russian Rivalry in Central Asia, 1810-1895*. London: Frank Cass and Co., Ltd.
66. Wood, J. 1872. *A Journey to the Source of the River Oxus. By Captain John Wood, Indian Navy. New Edition with an Essay on the Geography of the Valley of the Oxus. By Colonel Henry Yule, C. B.* London: John Murry.
67. Yapp, Malcolm. 2001. «The Legend of the Great Game». *Proceedings of the British Academy*, vol. 111: 179–198.
68. Зайцев, В. Н., 1908. *Памирская страна. Центр Туркестана: Историко-географический очерк*. Новый Маргелан: Типография Ферганского областного правления.

www.ucentralasia.org